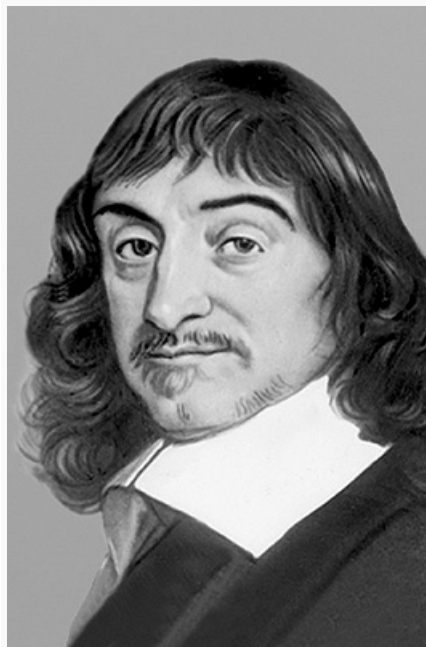

ДЕКА́РТ

Авторы: П. П. Гайденко

ДЕКА́РТ (Descartes) Рене (латинизир. имя Картезий; Renatus Cartesius) (31.3.1596, Ла-Э, Турень – 11.2.1650, Стокгольм), франц. философ, физик и математик, основатель *картезианства*. В 1606–14 учился в иезуитской школе Ла-Флеш. В 1618–21 служил в армии, в начале Тридцатилетней войны принимал участие в воен. действиях. Затем путешествовал по Европе, в 1629 переселился в Нидерланды, где прожил 20 лет, погружённый в уединённые науч. занятия. В 1649 по приглашению королевы Кристины переехал в Стокгольм. Здесь создал осн. сочинения – «Рассуждение о методе» («Discours de la méthode, pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences», вышло в свет в 1637, рус. пер. 1885, 1950, 1953), «Метафизические размышления» («Meditationes de prima philosophia», 1641, рус. пер. 1901, 1994), «Начала философии» («Principia philosophiae», 1644, рус. пер. 1914, 1989).

Д. – один из родоначальников новоевропейской философии и экспериментально-математич. естествознания, выступивший с требованием пересмотра всей предшествующей традиции. При этом в отличие от Ф. Бэкона, апеллировавшего к опыту и наблюдению, он обращался к разуму и самосознанию, считая необходимым положить в основу филос. мышления принцип очевидности, или непосредств. достоверности, что предполагало отказ от всех суждений, принятых когда-либо на веру. Д. был убеждён, что на истину «натолкнётся скорее отдельный человек, чем целый народ» (Избр. произведения. М., 1950. С. 271), – классич. формулировка принципа субъективной достоверности, означавшего установку не на усвоение чужих мнений, а на создание собственных; сомнение должно расчистить почву для построения рациональной культуры, которой должна уступить место культура традиц. типа. Однако при всей критике традиц. философии мышление Д. глубоко укоренено в традиции: отбрасывая одни элементы ср.-век. мышления, он опирался при этом на другие (в учении о субстанции, трактовке самосознания, понимании природы и души). Вслед за Августином, указавшим в полемике со скептицизмом на невозможность усомниться в существовании самого сомневающегося, Д. считал абсолютно несомненным суждение «мыслью, следовательно, существую» (cogito ergo sum). Этот аргумент предполагает восходящее к платонизму убеждение в онтологич. превосходстве умопостигаемого над чувственным и рождённое христианством сознание ценности субъективно-личного: не просто принцип мышления как таковой, а именно субъективно пережитый процесс мышления, от которого невозможно отделить мыслящего, был положен Д. в основание философии. Характерно при этом, что истинность исходного принципа как знания ясного и отчётливого гарантирована у Д. существованием Бога, вложившего в человека естеств. свет разума. Самосознание у Д. не замкнуто на себя, а разомкнуто, открыто Богу, выступающему как источник объективной значимости человеческого мышления: все «смутные идеи» суть продукты только человеческой субъективности, а потому ложны; напротив, все ясные идеи идут от Бога, а

потому истинны.

Cogito – первое достоверное суждение новой науки и в то же время первый, непосредственно данный сознанию её объект – мыслящая субстанция; она открыта нам непосредственно, тогда как существование другой субстанции – материальной – дано опосредованно. Д. определяет субстанцию как вещь, которая для своего существования не нуждается ни в чём, кроме самой себя, – определение, которое затем воспроизвели Б. Спиноза и представители окказионализма. В строгом смысле слова субстанцией можно назвать только Бога: среди сотворённых вещей Д. условно называет субстанциями только те, которые для своего существования нуждаются «лишь в обычном содействии Бога» (Там же. С. 448), в отличие от тех, которые нуждаются в содействии др. творений и носят название атрибутов и качеств.

Мыслящая субстанция в качестве атрибута непротяжённа и потому неделима; телесная субстанция имеет протяжение в длину, ширину и глубину, а потому делима на части, имеет фигуру, движение и определённое расположение частей. Только эти качества действительно присущи телесной субстанции, а все остальные – цвет, вкус, запах, тепло, твёрдость и т. д. – Д. вслед за Г. Галилеем называет вторичными и показывает, что они обязаны своим существованием воздействию первичных качеств на тело и составляют содержание т. н. смутных идей. Идеи, присущие мыслящей субстанции изначально (а не приобретённые в опыте), – «врождённые» идеи, вложены в нас Творцом. К ним относятся идея Бога как всесовершенного существа, затем идеи чисел и фигур, а также некоторые общие понятия, или аксиомы («Из ничего ничего не происходит» и т. п.). Эти вечные истины суть воплощение естеств. света разума.

Неделимая субстанция – ум – предмет изучения метафизики, делимая субстанция – материя – предмет изучения физики. Отождествляя материю с пространством, Д. выступил против аристотелианского различия «тела» и «места», связанного с необходимостью ввести систему абсолютных «мест» – верха и низа, центра и периферии космоса для объяснения движения. Устраняя систему абсолютных мест, Д. определяет место только через положение тела относительно др. тел. Отождествление материи с пространством снимает затруднения Галилея, который не мог обосновать гл. понятие механики – т. н. идеального, или математич., тела: у Д., в сущности, всякое тело стало математическим, а математика (геометрия) – наукой о телесном мире, какой она не была ни в античности, ни в средние века. Материя, она же пространство, составляет основу единства физич. мира; она делима у Д. до бесконечности, неделимых (атомов) и пустоты он не признавал, а космич. движение объяснял с помощью вихрей. Текучая материя, непрерывно заполняющая мир, вихреобразно движется вокруг Солнца. Движение у Д., как и место, относительно: поскольку в мире нет абсолютных точек отсчёта, то мы условно принимаем определённые тела или систему тел за неподвижные и по отношению к ним другие считаем движущимися. В качестве гл. закона движения Д. впервые чётко сформулировал закон инерции: «Тело, раз начав двигаться, продолжает это движение и никогда само собою не останавливается» (Там же. С. 486). В основе закона инерции лежит, по Д., постоянство единственной подлинной – Божественной – субстанции.

Дуалистич. противопоставление мыслящей и протяжённой субстанции позволило Д. отождествить природу с пространственной протяжённостью, так что стало возможным мыслить изучение природы как её конструирование – по образцу конструирования геометрич. объектов. Т. о., наука, по Д., конструирует некий гипотетический мир. Как и в номинализме 13–14 вв., этот пробабилизм Д. связан с идеей божественного всемогущества: Бог мог воспользоваться бесконечным множеством средств для осуществления своего замысла,

а потому и тот вариант конструкции мира, который предлагает наука, равносильна всякому другому, если он способен объяснить явления, данные в опыте.

Понимание мира как гигантской системы тонко сконструированных машин снимает у Д. принципиальное различие между естественным и искусственным (созданным человеком), характерное для античной и ср.-век. науки. Растение – такой же механизм, как и часы, действия природных процессов вызываются «трубками и пружинами», подобно действиям механизма, с той лишь разницей, что тонкость и искусность этих пружин настолько же превосходят созданное человеком, насколько искусство бесконечного Творца совершеннее искусства творца конечного. Познание мира есть конструирование определённого варианта машины мира из простейших начал, которые мы находим в человеческом разуме. Инструментом этого конструирования является метод, который должен превратить науч. познание из спорадического и случайного нахождения истин в их систематическое и планомерное производство и сделать людей «господами природы» (Там же. С. 305). Осн. правила метода: 1) начинать с простого и очевидного; 2) путём дедукции получать более сложные высказывания; 3) действовать при этом так, чтобы не упустить ни одного звена, т. е. сохранять непрерывность цепи умозаключений; 4) критерием истины следует считать интуицию, с помощью которой усматриваются первые начала, и правильную дедукцию, позволяющую получать следствия из них.

Дедукции Д. отводил исключит. роль в процессе познания. Идеалом воспитания и обучения считал развитие ясного мышления, основанного на доказательстве. Д. провозгласил доктрину о природном равенстве умов, хотя допускал врождённые различия в качествах интеллекта (напр., в скорости протекания мыслительных процессов). Считал, что природных задатков для развития ума недостаточно, образование должно дополнять их и руководить ими. Согласно Д., образование, доступное каждому, не привилегия, а естественное право. Эти идеи Д. легли в основу ряда дидактических принципов, определивших реорганизацию традиционной системы образования, и в наиболее полной мере были использованы в деятельности янсенистских школ, в частности школы Пор-Рояль под Парижем.

Основой и образцом метода Д. является математика, важнейшими элементами – измерение и порядок. Рассматривая в качестве всеобщей науки (*mathesis universalis*) алгебру, Д. ввёл многие совр. алгебраич. обозначения, положил начало исследованию свойств алгебраич. уравнений. Алгебра становится для Д. образцом математич. науки именно потому, что он рассматривает математику как науку об исчислении, абстрагируясь от специфики той предметной области, к которой применяется исчисление. У Д. число не отличается от величины, как это было в античной и ср.-век. математике, ибо числа у него функционируют только как равенства величин и получают своё значение в ходе расчёта. Если раньше число понималось как положительное рациональное, то Д. фактически расширил понятие числа, распространив его на всю область действительных чисел; это было необходимо для аналитич. изучения непрерывных пространственных фигур и их движения. Тем самым он отменил восходившее к античности представление о разнородности дискретного числа и непрерывной протяжённой величины, т. е. объектов арифметики и геометрии.

В «Геометрии» («*Géometrie*», 1637, рус. пер. 1938) Д. широко пользовался понятием переменной величины, которая выступает в двойной форме: как отрезок переменной длины и постоянного направления и как непрерывная числовая переменная, пробегающая совокупность чисел, составляющих этот отрезок. Двойкий образ переменной обусловил взаимопроникновение геометрии и алгебры. У Д. действительное число трактовалось как отношение данного отрезка к единичному (тем самым понятие числа распространялось на всю

область положительных действительных чисел), хотя сформулировал такое определение лишь И. [Ньютон](#); отрицательные числа получили у Д. реальное истолкование, связанное с направлением отрезка. Д. ввёл общепринятые ныне знаки для переменных величин (напр., x , y , z), постоянных величин (напр., a , b , c), а также обозначение степени. Запись формул у Д. почти не отличается от современной. В аналитич. геометрии осн. достижением Д. явилось создание [декартовой системы координат](#).

Понятие цели было полностью изгнано Д. из мира природы, благодаря чему он и создал механическую, материалистич. картину природного мира; важную роль в этом сыграло устранение понятия [души](#) как посредницы между неделимым умом (духом) и делимым телом, как она рассматривалась в античной и ср.-век. философии (душе приписывались воображение и чувство, которыми наделяли и животных). Д. отождествил душу и ум, называя воображение и память модусами ума; разумная душа тождественна способности мышления, животные же суть только автоматы; автоматом является и человеческое тело – «машина, которая, будучи создана руками Бога, несравненно лучше устроена и имеет в себе движения более изумительные, чем любая из машин, изобретённых людьми» (Там же. С. 300). Человек, обладающий разумной бессмертной душой, выносится Д. за пределы природного мира и ставится над ним в качестве малого творца. Именно устранение понятия души в её прежнем смысле позволило Д. противопоставить друг другу две субстанции – природу и дух – и превратить природу в мёртвый объект для познания-конструирования и использования человеком. В результате возникла очень трудная для философии Д. проблема связи души и тела, ставшая одной из центральных в метафизике 17–18 вв. (см. [Психофизическая проблема](#)). Д. пытался разрешить её механистически: через т. н. шишковидную железу (как бы пространственное вместилище человеческой души) механические воздействия, передаваемые человеческими органами чувств, достигают сознания.

Сводя всякое движение к пространственному перемещению, Д. объяснял последнее с помощью механич. толчка, поскольку понятие силы (внутренне связанное с понятием цели) также было устранено. На принципе толчка основано и понятие мировых вихрей. Механич. законами объяснял Д. все отправления живого тела, включая человеческое. Источник силы был вынесен за пределы природы и приписан трансцендентному Богу-Творцу. В этике Д. выступал последовательным рационалистом. Он рассматривал аффекты и страсти как следствие влияния на разумную душу телесных движений, которые, пока они не прояснены светом разума, порождают в нас заблуждения ума, результатом чего являются злые поступки. Источником заблуждения, которое у Д. в сущности есть не что иное, как грех, служит не разум, а свободная воля, ибо она побуждает человека высказывать суждения и действовать там, где разум ещё не располагает ясным и отчётливым знанием.

Т. о., учения Д. о бытии (онтология) и о познании (гносеология) являются идеалистическими, тогда как космология, физика и физиология – материалистичны; этот дуализм Д. имеет своим источником дуализм души и тела.

Влияние Д. на развитие философии и науки 17–18 вв. было глубоким и многосторонним. Учение Д. стало основой картезианства – направления в философии и естествознании, в рамках которого работали не только физики и

математики, но и физиологи, медики и фармакологи. В русле идей Д. формировалось учение Б. [Спинозы](#). Дуализм Д. послужил исходным пунктом концепции окказионализма А. [Гейлинкса](#) и Н. [Мальбранша](#). Под воздействием метода Д. французскими янсенистами была разработана т. н. [Пор-Рояля логика](#). «Геометрия» Д. оказала огромное влияние на развитие математики. Рационализм Д. явился одним из источников философии [Просвещения](#).

Литература

Соч.: Œuvres / Publiées par Ch. Adam, P. Tannery. P., 1897–1913. Vol. 1–12. Vol. 13: Suppl.; Соч. Казань, 1914; Космогония. Два трактата. М.; Л., 1934; Correspondance. P., 1936–1956. Vol. 1–6; Рассуждение о методе. С приложением: «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия». М., 1953; Соч.: В 2 т. М., 1989–1994.

Лит.: Любимов Н. А. Философия Декарта. СПб., 1886; Фишер К. История новой философии. СПб., 1906. Т. 1: Декарт, его жизнь, сочинения и учение; Descartes / Introd. et choix par J.-P. Sartre. P.; Gen., 1946; Serrurier C. Descartes: l'homme et le penseur. P., 1951; Асмус В. Ф. Декарт. М., 1956; Koyré A. Descartes und die Scholastik. Bonn, 1971; Матвиевская Г. П. Р. Декарт. М., 1976; Bader E. Die Ursprünge der Transzendentalphilosophie bei Descartes. Bonn, 1979. Bd 1; Descartes: philosophy, mathematics and physics / Ed. by S. Gaukroger. Brighton; Totova, 1980; Talmor E. Descartes and Hume. Oxf. [a. o.], 1980; Markie P. J. Descartes' gambit. Ithaca; L., 1986; Guérault M. Descartes selon l'ordre des raisons. P., 1994. Vol. 1–2; Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. 1994. М., 1996; Rodis-Lewis G. La morale de Descartes. P., 1998; Watson R. A. The breakdown of the Cartesian methaphysics. Indianapolis, 1998; Cassirer E. Descartes. Hamb., 2005. См. также лит. при ст. [Картезианство](#).